

Алекс Бертран Громов
Ольга Чехова. Тайная
роль кинозвезды Гитлера
Серия «Человек-загадка»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653590
Ольга Чехова. Тайная роль кинозвезды Гитлера: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-2412-4, 978-5-4444-8328-2

Аннотация

В истории найдется, пожалуй, не так уж много женщин, чья жизнь была бы более загадочной и противоречивой. Ее называли «второй Матой Хари», но была ли она на самом деле «шпионкой № 1»? Она блистала в светских салонах Петербурга, Москвы и Берлина; горячими поклонниками ее восхитительного таланта были и Сталин, и Гитлер. До сих пор нет однозначного ответа на вопрос: кто вы, Ольга Чехова, легкомысленная «суперстар» или изворотливая разведчица?

Содержание

«Ты обязательно станешь актрисой»	5
Поцеловал – женись!	9
За рубеж с кольцом во рту	17
Гитлер – «крикливый выскочка»?	20
Государственная актриса	22
Замуж за Бельгийца	26
Дружба с Герингом	32
Спасение банкира Штерна	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алекс Бертран Громов Ольга Чехова. Тайная роль кинозвезды Гитлера

© Громов Алекс Бертран, 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

Большинство популярных киноартистов люди публичные: профессия обязывает. И поэтому их биографии, как правило, состоят из двух частей: описание фильмов и съемок, с одной стороны, светская жизнь между этими событиями – с другой. Ольга Чехова уникальна тем, что многие эпизоды ее жизни до сих пор содержат нераскрытые загадки. Более того, в них присутствует целый пласт событий, связанный с тайнами сильных мира сего и деятельностью разведок. Именно это до сих пор вызывает наибольший интерес, порождая споры и гипотезы...

«Ты обязательно станешь актрисой»

Ольга Чехова родилась в городе Александрополь (ныне Гюмри) на территории современной Армении, а тогда Российской империи в 1897 году. Ее отец Константин Леонардович Книппер приходился родным братом знаменитой актрисе Художественного театра Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой. В семье было трое детей – дочери Ада и Ольга, а также их брат, в будущем известный композитор Лев Книппер, автор популярной песни «Полюшко-поле».

О своем детстве актриса рассказывала немало романтических, почти сказочных историй, полных эмоций, переживаний и невероятных подробностей. «На старом кладбище я чувствую особую привязанность к одной могиле, обсаженной кипарисами и почти полностью заросшей дикой малиной. Ягоды спелые и висят на ветвях, словно капли крови. Я сижу на полуразрушенной надгробной плите, погружаюсь в их созерцание, и перед моим взором проходят отрывочные картины ужасной битвы. Позднее я узнаю, что это и впрямь были видения прошедших событий: когда-то, как свидетельствуют старинные рукописи, на месте кладбища разразилась одна из кровавых битв...»

Но пока девочка воспринимает подобные откровения – она еще не раз будучи взрослой станет замечать за собой способность к необъяснимым снам и предчувствиям – как должное. Когда родители переезжают в Царское Село, то юной Ольге стараются дать всестороннее образование по части изящных искусств. Скульптура, живопись, графика... Ольга потом признавалась, что идей и вдохновения у нее было много, а усидчивости терпеливо доводить замысел до конца – почти никакой. И тут судьба дает ей первый знак о будущем. В своих мемуарах «Мои часы идут иначе» Чехова писала о том знаменательном моменте так: «В это время внутреннего перелома происходит событие, которое, вероятно, становится первым толчком для моего профессионального развития, – Элеонора Дузе приезжает с гастролью в Санкт-Петербург. Сенсация – и не только для прессы. Всемирно известная итальянская драматическая актриса в зените своей славы. Она не нуждается в утрированных жестах и громовом голосе, не признает театральной пафосности, распространенной в то время, каждой своей роли придает индивидуальный рисунок и создает образ изнутри. Она вся светится, даже когда просто стоит и не произносит ни слова. Она играет – изящно, грациозно, утонченно, со своими чудными глазами и узкими кистями рук – женские образы Гауптмана, Ибсена, Метерлинка, Сарду, Чехова, Дюма и д'Аннунцио, которого знала лично».

Элеонора Дузе знакома с тетей Ольги – прославленной Книппер-Чеховой, актрисой театра Станиславского, – и она приходит в петербургский дом семейства Книппер. Она пристально смотрит на юную Ольгу, гладит ее по голове и говорит:

– Ты обязательно станешь актрисой, дитя мое...

Девочка, сама не зная отчего, ударяется в слезы при этих словах.

– Почему ты плачешь? – спрашивает Дузе. – Боишься стать актрисой? Пройдет время, и ты узнаешь, что это такое – обнаженной шествовать по сцене...

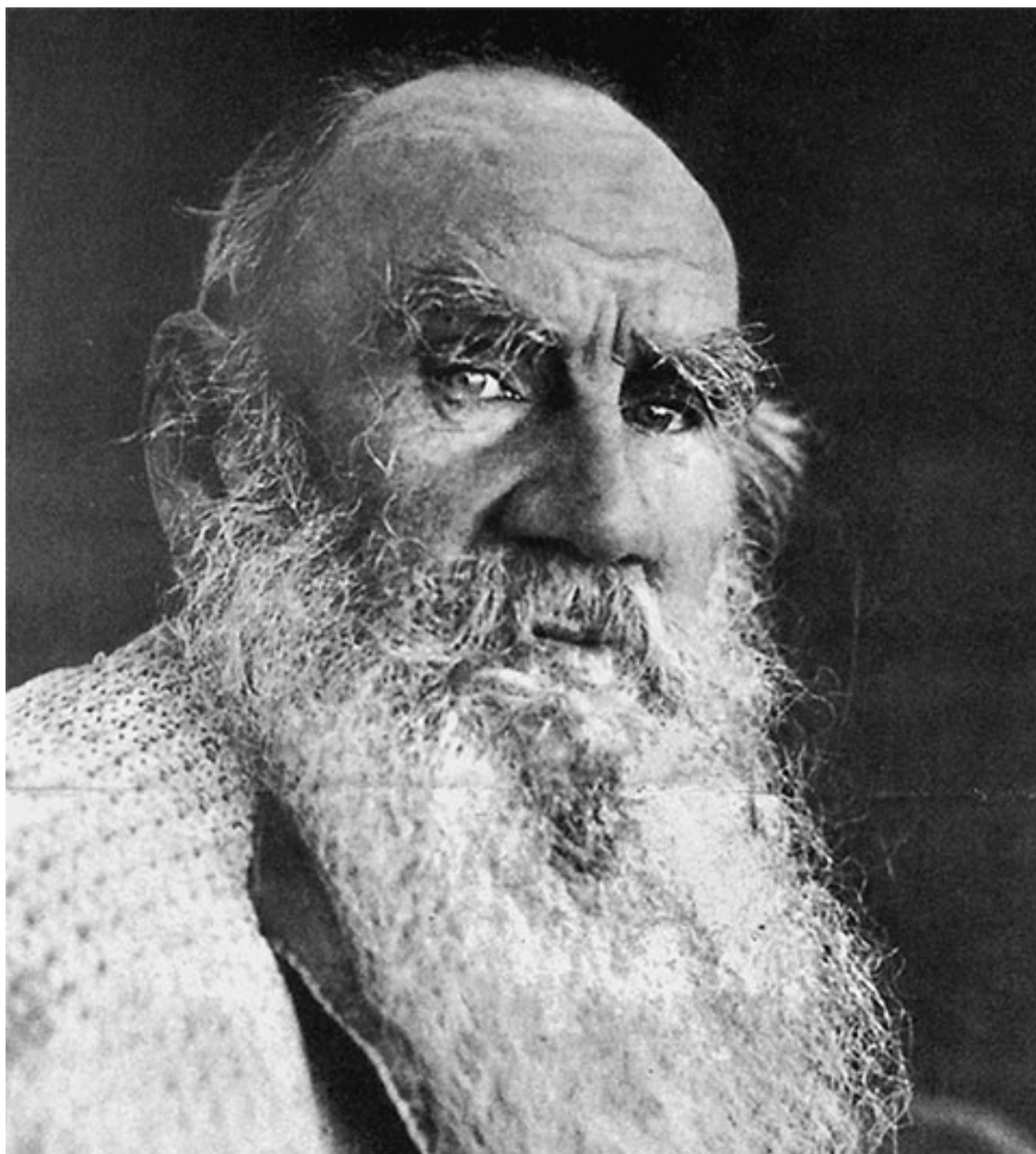
Бедная девочка воспринимает это буквально и начинает рыдать еще сильнее. «Обнаженной на сцене! Даже воздушные акробатки в цирке не выступают совсем голыми. Много позднее я поняла, что имела в виду Дузе. Отринуть все условности и каждый раз по-новому, “духовно обнаженной” представлять перед зрителем».

Однако встреча с Дузе сильно повлияла на Ольгу, недаром она потом следила за судьбой театральной звезды, предсказавшей ей будущее. Книппер-Чехова вновь встретила с Дузе во время гастролей Художественного театра в Америке, в начале 20-х годов, и Ольга с ее слов запомнила, что в Штатах великая трагическая актриса обрела все что угодно, кроме счастья. Элеонора Дузе умерла в 1924 году в Питсбурге (штат Пенсильвания).

«Но самым неизгладимым впечатлением в моих воспоминаниях остается писатель Лев Николаевич Толстой, — пишет в воспоминаниях Ольга. — Однажды я гошу в его имении Ясная Поляна. Чудесно гулять с ним по лугам и лесу и слушать его. И что самое замечательное: он разговаривает со мной как со взрослым человеком. Кажется, меня впервые воспринимают всерьез. Правда, я еще слишком юна, чтобы хорошо осознавать все, что говорит великий писатель. Но, насколько я понимаю, он ненавидит нетерпимость и войну, чем бы ее ни оправдывали. Однажды во время нашей прогулки он совершенно неожиданно останавливается, смотрит на меня серьезно и пронизательно, словно его переполняет глубокая забота, и наконец произносит непривычно требовательно: “Ты должна ненавидеть войну и тех, кто развязывает ее”. Позднее я буду часто вспоминать эти слова...»

Через несколько недель после встречи с Дузе Ольга своими глазами увидела и легендарную Анну Павлову; «она танцует “Умиряющего лебедя”, еще и сегодня знаменитый балет, который она прославила во всех частях света».

Каждый год семейство Книппер, в полном составе или порознь, отправлялось путешествовать по России, а также и за границу. Ольгу часто отправляли в поездки с тетей. Однажды они побывали в Швейцарии. «Мы видели один из первых полетов дирижабля, цеппелина, над Боденским озером. Удивительно, но на меня он произвел слабое впечатление. Тетя не могла этого понять и посчитала немного задавакой. Наверное, она была не права: в начавшемся двадцатом веке мы, дети, уже столкнулись со многими революционными новшествами, например электрическим светом, телефоном, самолетом и автомобилем. Гораздо большее впечатление, нежели цеппелин, на меня произвел наш первый автомобиль. Крестьяне в страхе разбегались перед “дьявольской” повозкой, крестясь и с ужасом глядя вслед. Я находила восхитительным нестись со страшной скоростью 50 (пятьдесят!) километров в час».

Л. Н. Толстой

Ольга отмечала потом, что Царское Село представляло собой идеальную площадку для смешения эпох, былое и ультрасовременное встречалось тут, смешивалось в разных пропорциях, порождая причудливые картины бытия. Иногда столкновение восторженной фантазии с действительностью порождало глубокие разочарования. Одним из таких моментов стало для юной Ольги лицезрение императорского семейства. «Как одаренный фантазией ребенок представляет царя и его семью, благосклонно являющих себя народу? Царя – в короне и, конечно же, одетым в ниспадающую волнами пурпурную мантию на соболях, а государыню и принцесс, само собой разумеется, в коронах и дорогих бальных платьях.

Папа, мама, брат с сестрой и я отправляемся гулять. Папа первым замечает открытый экипаж. Мы останавливаемся. Папа говорит, что это едет царь со своей семьей.

Сердце мое отчаянно бьется. Сестра и я делаем глубокий книксен, папа и мама склоняются в поклоне – как и все взрослые вокруг, мимо которых проезжает царь.

Я заканчиваю делать книксен, отваживаюсь взглянуть и обнаруживаю экипаж с позолоченными фонарями, с кучером и лакеями в красных плащах... Я жду, что короны, золото

и пурпур ослепят меня, и – крайнее разочарование: ничего подобного! Царь одет в ничем не примечательную офицерскую форму, а его семья – в еще более простые платья».

Бабушка Ольги, которую она называет то придворной дамой, то просто бывавшей при дворе, однажды привозит внукам приглашение в гости к детям во дворец. «Мы с нетерпением ждем этого дня и на месте расстаемся с еще одной иллюзией: и во дворце государь, государыня и их дети ходят без корон; более того, одеты они очень просто, стиль их жизни скромнен, почти буржуазен. И даже кровати у них не из чистого золота, а совсем как наши собственные: никелированные, светло-голубой краски и украшенные блестящими шарами.

Оба примыкающих к резиденции замка, построенных Екатериной Великой, больше соответствуют моим представлениям о дворе: Екатерининский дворец – “маленький Версаль”, роскошный, облицованный лазуритом и малахитом и с прелестной Янтарной комнатой, в которой стены, детали потолка и вся мебель сотворены из янтаря, отделанного чем-то голубым и позолотой. В этом дворце проходило большинство официальных приемов, тогда как дворец поменьше, так называемый Александровский, раньше был собственно местом жительства Романовых. Мы играем в дворцовом парке с царскими детьми Ольгой, Татьяной, Марией, Анастасией и Алексеем.

Правда, Алексей только смотрит на нас. Его сопровождающий – дядька большей частью носит цесаревича на руках. Любая маленькая ранка, любая царапина опасна для его жизни: наследник страдает неизлечимой болезнью крови, гемофилией; врачи из России, Германии и Англии бессильны. Никому не удавалось остановить у Алексея кровотечения, любое из которых могло оказаться смертельным».

Это описание больше похоже на впечатления взрослого человека – вряд ли юная девочка могла так сильно заинтересоваться медицинскими подробностями. Но понятно, что на склоне лет Ольга Чехова была в курсе всех обстоятельств, предшествовавших падению дома Романовых. Однако она, по ее словам – опираясь на тогдашние рассказы бабушки – приводит малоизвестные подробности появления при дворе Распутина. Царевича лечили не только европейские медики, пишет она, но и целитель из загадочного Тибета. Однако справиться с гемофилией полностью не могут даже суперсовременные методы медицины, а в начале XX века не было и их. Медицина нетрадиционная тоже оказывается бессильна. «И доктор из Тибета был вынужден капитулировать. Но тибетский врач знает одного человека в Сибири, которому приписывают сверхъестественную целительскую силу, Григория Ефимовича Распутина, крестьянского сына, монаха, члена секты хлыстов, которые с помощью оргиастических танцев, песнопений и бичеваний доводят себя до экстаза и “приобщения” к Богу.

Отчаявшиеся родители престолонаследника об этом ничего не знали; они ухватились за последнюю надежду и призвали Распутина из сибирского села ко двору.

Распутин появился во дворце – неотесанный, грубый, грязный мужик в похожем на кафтан одеянии и поначалу робкий и неловкий.

Он постоянно находился поблизости от наследника трона, и ему не пришлось долго ждать своего первого испытания: однажды Алексей сделал неловкое движение и упал – колено стало кровоточить. Распутин положил свою руку на пораненное место и стал утешать Алексея: “Сейчас сразу перестанет...” Царь и царица поспешили к сыну и не поверили своим глазам: кровь остановилась.

Распутин сделал то, что до него не смог ни один врач...

С этого времени Распутин стал незаменимым человеком при дворе и беззастенчиво пользовался этим для упрочения своей политической власти, которая ускорила падение дома Романовых».

Поцеловал – женись!

Когда детство миновало и Ольга стала прелестной девушкой, родители отправили ее в Москву к тете Ольге Книппер-Чеховой. Под ее покровительством Ольга стала посещать школу-студию при Московском Художественном театре. «Мой учитель Константин Сергеевич Станиславский – один из основателей этого всемирно знаменитого театра. Правда, пока не ему и не его школе-студии отдано мое восторженное девическое сердце, а моему кузену Михаилу Чехову, молодому, талантливому актеру...» Виталий Вульф в предисловии к русскому изданию мемуаров Ольги Чеховой так описывает сложившуюся тогда романтическую коллизию: «В нее сразу влюбились двоюродные братья Чеховы: Владимир, сын Ивана Павловича, и Михаил, сын Александра Павловича. Михаил был артист Первой студии Художественного театра. Еще до Художественного театра он сыграл царя Федора Иоанновича в Суворинском театре. По словам Ольги Чеховой, она была с ним знакома давно и уже маленькой девочкой к нему равнодушна. Действительно, она вспоминает о своих пылких чувствах, особо ярко вспыхивавших, "...когда он, как правило со своим дядей Антоном Чеховым, бывал у нас в гостях. Мое сердце билось чаще, когда Миша оказывался где-нибудь поблизости, и я постоянно искала и находила предлог, чтобы быть с ним рядом. Разумеется, меня всегда глубоко ранило, когда я замечала, что в конце концов я для него просто маленькая девочка. Живо помню Мишу в то пасхальное воскресенье, когда после церкви по православному русскому обычаю с восклицанием "Христос воскрес!" принято поцеловаться и он целовал одну взрослую девушку гораздо дольше, чем меня... Михаил Чехов для меня красивее и пленительнее всех актеров и даже всех мужчин. Я схожу по нему с ума и рисую себе в своих ежедневных и еженощных грезах, какое это было бы счастье – всегда-всегда быть с ним вместе..."»

О. Л. Книппер-Чехова

Но, похоже, им было суждено хоть на какое-то время, но оказаться вместе. «И тут на помощь приходит великий случай. Для благотворительного представления мы оба репетируем в “Гамлете”. Миша – Гамлет, я – Офелия. Репетиции полны тайного флирта, но дальше этого дело не идет. Я робка, а Миша – я все еще опасаюсь – недостаточно влюблен... И вот наступает великий день. Спектакль исполняется перед исключительно избранной публикой. Бурные аплодисменты, я преисполнена гордости. Вновь и вновь мы с Мишей появляемся перед занавесом. Станиславский хвалит меня, тетя Ольга поздравляет, это мой первый успех...»

Успех приходит и в осуществлении трепетных мечтаний о любви: «Все решается в этот вечер. Я уйду с Мишей за кулисы, где нас никто не может увидеть. И тут под замирающие аплодисменты публики он целует меня... Что за странное чувство! Сначала мне кажется, будто я умираю от блаженства. Но потом меня пронизывает глубокий страх: я еще нетронутая, “из приличного дома” и сексуально абсолютно невежественна; ему двадцать три, он уже знаменит как актер и режиссер у Станиславского, очарователен, явный соблазнитель и донжуан театра.

“Если меня так поцеловал мужчина, – проносится в моей наивной голове, – то у меня будет ребенок”.

Итак, густо покраснев и смутившись, я лепечу:

– Но теперь ты обязан на мне жениться, Миша...

Он смеется:

– А чего еще я могу пожелать?»

И вот «по сиюминутному влечению, по решению, принятому в несколько секунд», наивная девочка и легкомысленный молодой актер решают вступить в брак. С учетом того, что развод в те времена был если и не совсем невозможным, то весьма затруднительным, из ряда вон выходящим делом, затея выглядит и сейчас более чем авантюрной. В ней, по словам Ольги, «смешались моя неопытность, “страх за последствия”, туманный романтизм, тщеславие, а у него – авантюризм, легкомыслие, мужская гордость “обладателя” и, возможно, известная доля расчета». Да, описывая свою первую свадьбу, многоопытная Ольга Константиновна уже, конечно, понимала, что тогда Михаил Чехов, хоть и известный театральный деятель с неплохим жалованьем, но, во-первых, он «все, что получает, разбрасывает полными пригоршнями», а во-вторых, собственное жалованье – это совсем не то, что богатое приданое, которое по логике вещей должна получить девушка из весьма и весьма обеспеченной семьи. Но все равно скоропалительный брак оказался сумасбродством, за которое впоследствии придется дорого расплачиваться обеим сторонам...

Свадьба была обставлена как в романе или сентиментальной драме: «Для венчания Миша нашел маленькую деревеньку, примерно в десяти километрах от Москвы, чтобы быть уверенным, что наша тайная свадьба никем не будет расстроена. Правда, попа, который в соответствии с церковными предписаниями настаивает на письменном разрешении родителей, все равно приходится “подмазать”... Так приключение-мечта начинается беспрепятственный и безумный бег: я надеваю свой самый элегантный наряд – черную бархатную юбку, белую шелковую блузку, черные лакированные туфли и спешно укладываю ночную рубашку и зубную щетку. Затем мы встречаемся с шаферами где-то на окраине Москвы и на двух дрожках едем к месту нашего венчания. Я вся дрожу, но не от радостного возбуждения. Мне страшно. Как-то вдруг мне перестает нравиться это приключение. Я обращаю страстные молитвы к Небу, может, еще что-нибудь случится, еще что-нибудь помешает...

Но ничего не случается.

Миша мужествен и серьезен.

Церковь – маленькая простая часовня – явно не предназначена для того, чтобы поднять мое настроение.

Перед церковью стоят с десяток пожилых крестьян и по обычаю держат в руках зажженные свечи – “как на похоронах”, пронзает меня мысль.

Мы проходим в часовню. Обряд венчания свершается торопливо. Хора нет. Все происходит тихо и с какой-то странной поспешностью. И погода соответствующая: неожиданно налетает вихрь. Церковная дверь визжит в петлях. Каждый раз, когда ветер хлопает ею о стену, я вздрагиваю от хлесткого удара.

М. А. Чехов

После венчания мы едем прямо на Мишину квартиру».

Вот тут-то Ольга осознает, что прекрасные мечты имеют мало общего с не слишком приглядной реальностью. «Едва войдя, сразу ощущаю, что меня ожидает в будущем: от его матери и няньки веет холодом неприязни. Обе безмерно гордятся своим Мишей. Обе не имели и ничего не имеют против его подружек, которых он меняет как перчатки, напротив, они кичатся этим, их Миша – настоящий мужчина! Мать любит его просто до безумия.

А теперь вот прихожу я, избалованная девушка из богатой семьи, его жена, принадлежать которой он должен отныне и навек. Мать Миши возненавидела меня с первого взгляда. Она приготовила скромный свадебный обед. Но я не могу проглотить ни куска, положение ужасное, я ломаю себе голову, как сообщить своей семье о браке. Наверное, через тетюшку Ольгу Книппер-Чехову. Ведь это из-под ее опеки я улизнула. А она ни о чем не догадывается, не говоря уже о моих родителях...»

Даже в наши ко всему привыкшие времена исчезновение шестнадцатилетней девушки, практически еще подростка, и ее скоропалительное замужество вызовет, мягко говоря, сильное беспокойство. Что уж говорить о временах, когда подобную ошибку было почти невозможно исправить... «После еды я прошу Мишу позвонить тете Ольге в театр и сказать, что сегодня вечером я к ней не приду, потому что... да, потому что мы поженились, ну и, разумеется, теперь я буду жить у мужа.

Миша звонит.

Тетя Ольга отвечает так громко, что свекровь, няня и я без всяких усилий тоже слышим ее: тетя Ольга велит передать мне, чтобы я без промедления возвращалась в ее квартиру – без промедления и без Миши! Мишина мать и няня злорадно усмеваются; они уже так и видят себя снова наедине с их ненаглядным Мишей.

Пока Миша и я размышляем, что же нам делать, Станиславский присылает друга, который без всяких поздравлений сурово “мылит Мише шею”, называет все произошедшее скверной шуткой и категорически требует, чтобы брак незамедлительно был расторгнут, “чтобы избежать скандала”.

Я собираю свои немногочисленные вещички и еду обратно на квартиру к тете Ольге. Миша меня не удерживает».

Звезда Художественного театра тоже не решается сразу поставить в известность брата. Она телеграфирует его жене, матери Ольги: «Срочно приезжай – по поводу Оли». Та мчится в Москву, а узнав, что случилось, поначалу проявляет завидное хладнокровие:

– Вышла замуж... что ж, слава Богу, это еще не самое страшное...

Ольга не знает, что делать. То ли все случившееся признано нормальным и инцидент исчерпан, то ли можно считать, что вообще ничего не было? «Однако, когда мы остаемся вдвоем, она яснее излагает мне свою точку зрения:

– Ты самовольно вышла замуж, что же, теперь изволь сама отвечать за последствия. Я дам тебе добрый совет: не сделай второй глупости. Смотри не забеременей, пока вы оба как следует не узнаете друг друга!

И все. Никаких упреков, жалоб, лишь еще одно утешение “на всякий случай”:

– Ты всегда можешь вернуться, если станет невыносимо.

Тем не менее уже следующим вечером мы в спальном вагоне выезжаем в Петербург. Тринадцать бесконечных часов. До отъезда я Мишу не видела и с ним не говорила.

В поезде у мамы довольно времени, чтобы разработать свою стратегию. “Приедем домой, ты сразу ляжешь в постель, – вслух размышляет она, – папа еще будет в министерстве, а когда вечером вернется, решит, что ты больна. Остальное предоставь мне...”

Что мама собирается сказать папе, она умалчивает. А я ее не спрашиваю. Она советует мне снять обручальное кольцо и спрятать паспорт, чтобы папа прежде времени не открыл, кто обвенчал меня и Мишу».

Ольга, по ее словам, пролежала в постели два дня, непрерывно рыдая. «Папа входит в мою комнату восемнадцать часов спустя. В соответствии с девизом “нападение – лучший вид обороны” я демонстрирую ему лучшие образцы своего актерского таланта. Я впадаю в истерику... Прежде чем у папы находятся слова, я кричу: “Если ты будешь меня упрекать, выброшусь из окна!”»

Решение отца озвучено им спокойно и сурово:

– Что же, дитя мое, теперь ты можешь возвращаться к своему мужу – правда, без денег, без приданого и без драгоценностей. Разумеется, можешь забрать свое белье и платья...

И вот Ольга возвращается в Москву. «Миша и его мать забирают меня с вокзала. По дороге “домой” мы почти не разговариваем. Как только я переступаю порог крошечной, полутемной трехкомнатной квартирki, меня встречает притворно-ласковая улыбка няни. Я в замешательстве. Миша помогает мне разобрать багаж.

Няня между тем готовит ужин; она суетится, гремит посудой, у нее явно не руки, а крюки. Свекровь кричит на нее, та не смеет и пикнуть. За едой они вновь безмолвно объединяются против меня в холодном неприятии. Я торопливо ем и поспешно ухожу... Свекровь никак не может заснуть – брюзжит, ворочается в постели и зовет няню. Маша, так зовут это несчастное создание, должна, как обычно, почесать ей перед сном пятки.

Маша чешет. В это время “мама”, всхрапывая и без сновидений, проваливается в объятия Морфея.

Мне становится дурно. Миша улыбается. Не следует воспринимать все так серьезно, считает он, добавляя, что уже давно к этому привык...

Он ведет меня к своей, к нашей – постели.

Я стою, словно окаменев, и пытаюсь понять, что это означает: “наша постель”.

В какое-то мгновение я вновь чувствую его поцелуй, какой он подарил мне после того спектакля в школе-студии.

Но на губах остается пресный привкус.

В квартире дурно пахнет. И поблизости все так же храпит Мишина мать.

Я тоскую по свежему воздуху моей девичьей комнаты в Царском Селе. Я говорю Мише, что сильно устала. Я не лгу...»

Однако постепенно у молодых супругов налаживается какое-то подобие упорядоченной интимной жизни – вполне достаточное для того, чтобы породить новую жизнь. «Я говорю Мише, что жду ребенка. Он только бросает на меня взгляд, пожимает плечами и уходит из дому. Я словно в столбняке, бесцельно брожу по улицам, не замечая, что одета слишком легко, и сильно застужаю почки. Мне приходится неделями проводить в постели и пить много жидкости. Я распухаю; можно подумать, что у меня будет двойня. Когда я снова могу встать, часто ухожу гулять, чтобы оказаться подальше от дома».

Однако будущий отец вовсе не чувствует себя скованным не только супружеской верностью, но и приличиями, как таковыми. В этой части воспоминаний Ольга к нему беспощадна: «Далеко за полдень. Я возвращаюсь с очередной прогулки. Моя комната занята. Мать Миши и няня заняты починкой и штопкой; они разложились со своими вещами, словно собираются оставаться здесь и дальше.

Я прошу их перейти в свою комнату; они обмениваются взглядами, словно две заговорщицы из романа ужасов. Няня глупо ухмыляется; Мишина мать не говорит ни слова и продолжает шить. Мне тяжело стоять с моим отекившим телом. Я ищу стул. На стульях в моей комнате сидят Мишина мама и няня. Я направляюсь к двери соседней комнаты, в которой обычно обитают эти женщины.

Дверь заперта. Я слышу за ней женское хихиканье.

Через несколько минут Миша выходит с девушкой, “не замечает” меня, мимоходом кивает матери и няне и с улыбкой говорит:

– Теперь можете возвращаться...»

В таком духе продолжалось, по словам Ольги Константиновны, все время ее беременности. В последний месяц ситуация лишь чудом не обернулась трагедией. «За три недели до предполагаемых родов я еду с мужем и его матерью на так называемую дачу под Москвой. Дача – маленький, совсем примитивный домик, что снимают лишь на короткий срок.

Поблизости от дачи есть теннисный корт. Миша хорошо играет в теннис. Я сопровождаю его на корт.

Когда мы подходим, как раз заканчивает играть одна юная девушка с подругой. Миша предлагает этой девушке сыграть еще партию и обворожительно улыбается:

– Возможно, мне удастся исправить ваш удар слева...

Они играют и флиртуют. Они так бесстыдно флиртуют и после игры, что у меня сдают нервы: я кричу на Мишу, слезы льются из моих глаз.

Миша раздражен, или, точнее, ему неловко от моей сцены.

Я с яростью смотрю на него. Я еще не знаю, что бессмысленно пытаться удержать мужчину слезами.

Миша просто оставляет меня одну.

Позднее, прямо сразу после нашего развода, он женится на этой девушке...

Я ухожу с теннисного корта так быстро, насколько позволяет мое состояние, и не замечаю, куда бегу. Хочется просто пособирать ягоды в лесу – ни о чем не думая и не анализируя. Лес в этих местах большой и нехоженный. Мне он совсем незнаком.

Время бежит. Внезапно темнеет. Я в отчаянии ищу дорогу. Но ничего не нахожу. Вокруг меня одни тени. Спускается ночь...

Действительно ли Ольге пришлось не только ночевать в лесу, но и столкнуться там с медведем, сказать трудно. Но в воспоминаниях она писала, что проведя ночь в каких-то кустах, поскольку залезть на дерево она в своем состоянии уже физически никак не могла, утром она услышала «хруст сучьев и звуки, знакомые мне с детства: это ворчание медведя». Дальнейшее бегство она описывает как полумистическое следование за «белым пятном, которое высвечивает перетекающие одну в другую картины сна. Световое пятно удаляется. Я бегу за ним, как в трансе, метр или километр – трудно определить. При этом совершенно отчетливо ощущаю на затылке горячее дыхание медведя. Вдруг я сильно ударяюсь головой и сразу же прихожу в себя. Я выбежала по лесной просеке к телеге с дровами. Выстрелы разрывают тишину».

Описанная история выглядит на удивление кинематографично, но в такой необычной судьбе могло быть подобное. «Бледный крестьянин на телеге опускает ружье и ошеломленно смотрит на меня. Его выстрелы отпугнули медведя.

– Ты бежала впереди него как сумасшедшая, – бормочет он испуганно. – В твоём положении... Мать Божья, спаси и сохрани!

Он крестит меня. Его короткая молитва, похоже, услышана: в целости и сохранности он доставляет меня на дачу.

Мишина мать тотчас едет со мной в Москву в клинику. Миша остается на даче; он обещает приехать, как только придет время родов».

Вскоре начинаются схватки, Ольга вспоминала, что чувствовала себя на грани жизни и смерти. «Жизнь побеждает. Так в мир приходит моя дочь Ада. В мир, в котором бушует война и заявляет о себе русская революция».

Брак Ольги и Михаила вскоре распался. Виталий Вульф пишет: «После четырехлетнего замужества она ушла от Михаила Чехова с неким Фридрихом Яроши, бывшим австро-венгерским военным, красивым, обаятельным авантюристом, обладавшим большой внутренней силой».

Михаил Чехов описал решающий момент так: «Помню, как, уходя, уже одетая, она, видя, как тяжело я переживаю разлуку, приласкала меня и сказала: „Какой ты некрасивый, ну, прощай. Скоро забудешь“ – и, поцеловав меня дружески, ушла».

Ольга о Яроше не пишет ничего, повествуя лишь, как забрала свою малышку и вернулась к матери. Ей довелось пережить в России страшные годы революционной разрухи и голода, но она выжила и все это время продолжала играть на сцене.

Но в ее судьбе назревали значительные изменения.

За рубеж с кольцом во рту

Согласно версии, которую в предисловии к мемуарам Ольги Чеховой излагает Виталий Вульф, она решилась переменить свою жизнь именно под влиянием Фридриха Яроша – в январе 1921 года актриса уехала с ним в Германию.

Сама же Чехова в воспоминаниях пишет, что получила в то время разрешение на полуторамесячную поездку в Германию от Луначарского, благодаря связям Ольги Леонардовны. Причем это было сложное и опасное путешествие – регулярного железнодорожного сообщения все еще не было. Единственный шанс уехать, по словам Чеховой, заключался в том, чтобы пристроиться в эшелон с освобожденными пленными: «Один-два раза в неделю идут составы с военнопленными – немцами, австрийцами, венграми и другими – на Запад; от случая к случаю они берут с собой гражданских. Муж одной из моих школьных подруг – начальник такого немецко-австрийского состава с военнопленными. Я отдаюсь под его покровительство...»

Актриса потом вспоминала, что чувствовала себя готовой к сложному пути по опасной земле (в России еще не закончилась в полной мере Гражданская война) – ей шел двадцать четвертый год, юность она считала уже прошедшей, но все же энергии и легкости было пока недостаточно. Пережитое – неудачный брак, война, революция, голод – научили ее в любой ситуации определять и выделять то небольшое, что было действительно важным.

Имущества в дороге у нее был самый минимум: «То, что я взяла с собой в поездку из носильных вещей, можно перечислить в одном предложении: старое перелицованное пальто мамы, тонкий платок, пара сапог на картонной подошве из коврового материала и кольцо. Кольцо не просто украшение – оно должно дать мне средства для моего пребывания в Германии, но это и опасно: украшение, как объект мены-продажи, представляет интерес повсюду. Поэтому во время поездки патрули Красной армии постоянно выискивают драгоценности. Кто будет схвачен с кольцом или колье, завершает свое путешествие на ближайшей станции. Я везу свое кольцо под языком и говорю при этом тихо, но без особого труда – благодаря занятиям сценической речью в школе-студии...»

Драгоценный перстень и его ловкая обаятельная хозяйка благополучно пересекли все границы и добрались до Берлина. Подруга Чеховой, встречавшая ее на вокзале, была, по словам артистки, потрясена тем, как та истощена и измучена. Первым делом дамы отправились в ближайшее приличное кафе, где подруга принялась угощать Ольгу пирожными со взбитыми сливками. «Я в Германии, – думала тем временем Чехова, – в бедной, разрушенной войной и инфляцией и тем не менее богатой стране, если помнить о нищете в России».

Ее измученный организм не выдержал внезапных лакомств и следующие несколько дней актриса вынуждена отлеживаться в комнатке пансиона на Гроссбееренштрассе: «Как и большинство владелиц маленьких пансионов в так называемых приличных жилых кварталах, моя хозяйка потеряла своего мужа-офицера на войне. Она знавала лучшие дни и соответствующим образом держит себя. Хозяйка ведет себя несколько сухо, но в то же время старается привести мой желудок в порядок и отдает горничной точные распоряжения, полагая, что в этих случаях нужно пить много отвара ромашки».

Слегка придя в себя, Ольга вынуждена наконец-то искать способ реализовать привезенное с такими ухищрениями кольцо. Вместе с подругой, исполняющей обязанности переводчицы, она направилась к ювелиру. «Ювелир – маленькое, с блестящей лысиной проворное существо – прыгает вокруг, словно резиновый мячик, беспрестанно усаживает нас, извергает слова, как водопад, изучает кольцо. Нет, он священнодействует, исследует кольцо, как выжига, одобрительно поджигает губы и называет цену, от которой моя подруга бледнеет. Я вопросительно смотрю на нее. Цена намного ниже стоимости... Ювелир продолжает

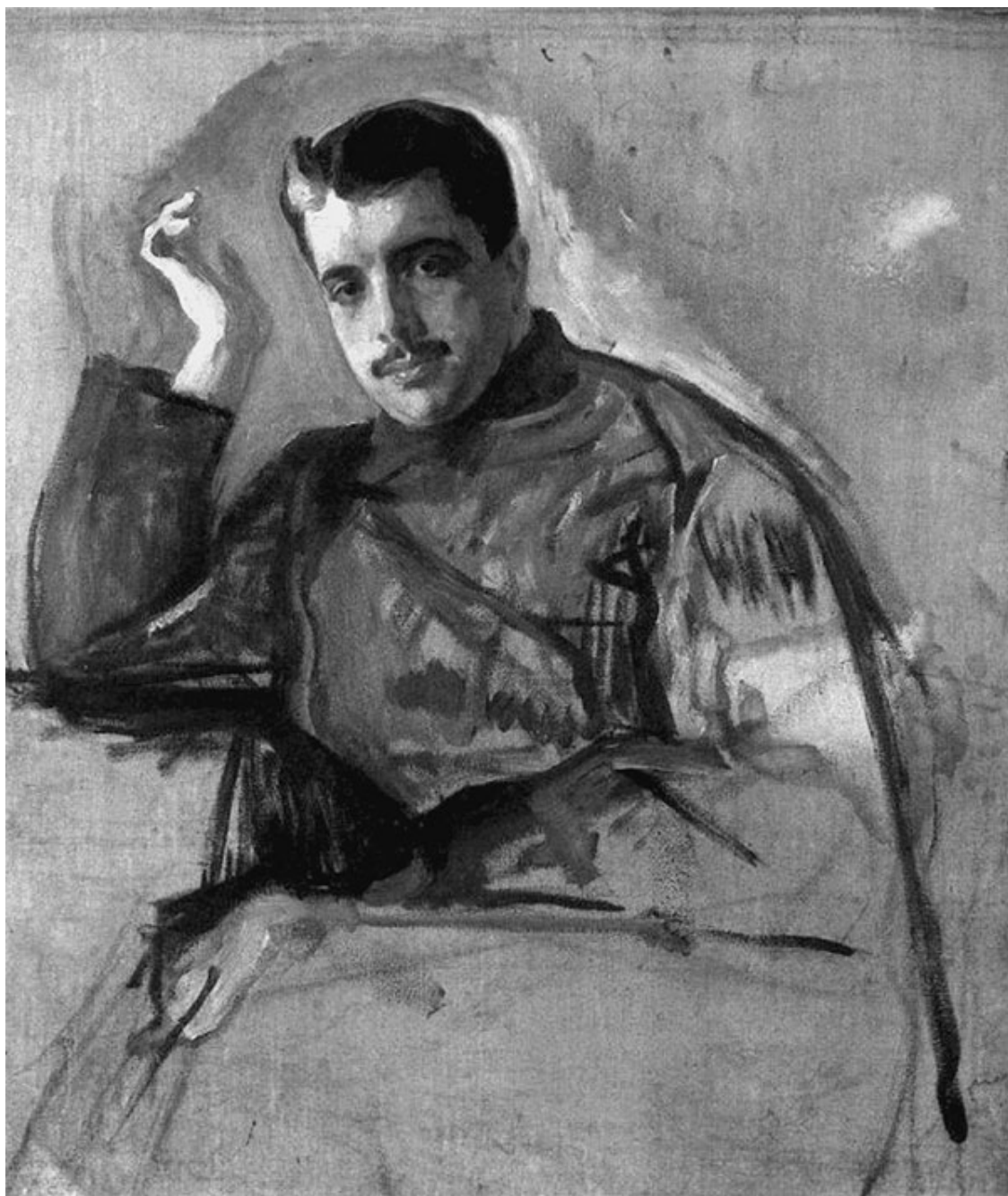
вертеться вокруг, беспрестанно треща, жалуется на ужасные времена, дико жестикулируя, твердит “жаль, жаль”, готов накинуть еще сотню марок и причитает, будто дает такую цену себе в убыток».

Спектакль, разыгранный золотых дел мастером, Ольгу не обманул ни на секунду. Конечно, в ту эпоху инфляции золото и бриллианты еще оставались одним из немногих надежных вложений средств. «Но я не могу ждать так долго. Мне необходимы деньги для повседневной жизни. Итак, я оплакиваю мое миленькое колечко невидимыми слезами и кладу его на столик ювелира. Потом иду с подругой покупать туфли, настоящие туфли. Я уже не снимаю их, а мои русские сапоги на картонной подошве прошу упаковать. Я выхожу из обувного магазина, словно княжна из бального зала...»

А. П. Попов в своей книге «Русский Берлин» подробно описывает, как в начале XX века в сей чудный германский город с разными целями устремились толпы (в смысле – много их было) отечественной интеллигенции и что «крупнейшим событием в театральной жизни предвоенного Берлина стали гастроли Московского Художественного театра (МХТ) в начале 1906 г.». Художественные выставки здесь устраивал Сергей Дягилев. Так на русском вернисаже в 1898 году были представлены работы Л. Бакста, И. Левитана, В. Серова, М. Врубеля. А за год до начала Первой мировой войны в берлинской галерее журнала «Штурм» был устроен Первый немецкий осенний салон, на котором были представлены 336 работ из 15 стран. Среди выставленных русских мастеров были: Давид и Владимир Бурлюки, Василий Кандинский, Марк Шагал и Михаил Ларионов...

Болгария, Франция, Македония, Египет и Латинская Америка – после поражения Белого движения сотни тысяч бывших подданных Российской империи, оказавшиеся без Родины, отправились на поиски новой... В двадцатые годы прошлого века в Берлине жило свыше 300 тысяч русских, эмигрировавших из СССР. Так возник «русский Берлин» – город в городе, кварталы, рестораны и магазины, газеты и театры. За этим городом с интересом наблюдал Илья Эренбург, не только много писавший для местных (но при этом – русских) газет и журналов, но и опубликовавший в Берлине несколько своих книг (на русском и немецком языке), в том числе и прославленные «Похождения Хулио Хуронито и его учеников» и даже два сборника стихо творений.

По инициативе Н. Бердяева и других русских при поддержке германского правительства и Лиги Наций в Берлине был открыт Русский научный институт с отделениями духовной культуры, права и экономики для русских студентов. С 1923 по 1925 год Горький выпускал в Берлине «аполитичный» журнал «Беседа», в котором публиковались авторы самой разной идеологической ориентации. В это же время здесь жил певец Александр Вертинский, не только выступавший для местного населения, но и открывший на улице Уландштрассе бар-ресторан «Черная роза» под девизом «Танцы – пение – настроение»...

С. П. Дягилев. Художник В. А. Серов

Гитлер – «крикливый выскочка»?

В первое время Ольге Чеховой приходится подрабатывать изготовлением шахматных фигурок, но потом пришел кинематографический успех. Хотя, по собственному ее признанию, поначалу она вообще не знала, что такое кино. «Однажды подруга берет меня в гости к знакомым. Они в свою очередь приглашают меня на маленькую вечеринку, на которой должны присутствовать кинематографисты. О кинематографистах я не имею представления; в России я играла лишь в театре... Я встречаюсь с людьми из мира кино, в том числе с Эрихом Поммером, выдающимся кинопродюсером Германии... В России я не видела ни одного фильма. По рассказам знаю, что на родине для артистов это дополнительный приработок, на который образованные актеры обычно не идут. Короче говоря: я еще никогда не была в кино... Итак, чтобы приобрести опыт, я бегаю в Берлине из одного кинематографического храма в другой и смотрю все без разбору: детективы, драмы, образовательные, исторические, любовные, приключенческие фильмы и всякие поделки. От большинства картин я вовсе не в восторге. Что за утрированные, неестественные движения! Что за патетические, смешные жесты!...»

Но тем не менее она смогла быстро усвоить принципы нового визуального искусства, что помогло ей стать звездой еще немного кинематографа «золотых двадцатых» годов.

При этом у нее было не так уж много иллюзий, «золотые двадцатые» не казались ей райским временем, даже когда они миновали: «Я не понимаю, почему их так называли. Как никогда раньше, да, впрочем, и потом в эти годы тесно переплелись блеск и нищета, подлинное и мнимое, безделье и напряженный труд, богатство и нужда, отчаяние и надежда, безумие и рассудок, духовное и бездушное. И есть почти все то, что появится позднее, после Второй мировой войны, лишь слегка подновленным: мини-юбки, ночные и стриптиз-клубы, наркотики, чарльстон, джаз... За исключением немногих действительно богатых, в “золотых двадцатых” не существует широкой зажиточной прослойки, напротив: миллионная армия безработных каждую неделю вырастает на десятки тысяч».

Но даже безработные готовы иной раз и на еду экономить, лишь бы погрузиться на час-другой в сладкое забытие темного кинозала и сияющего экрана. Поэтому развлекательные ленты идут в большинстве своем на ура. Политика пока еще не в моде, вернее, она считается занятием, подходящим лишь для профессиональных политиков, которые не только учиняют полемику в газетах и поливают грязью конкурентов на выборах, но и «посылают на улицы наэлектризованные военизированные отряды, чтобы придать своим аргументам в прямом смысле слова большую убойную силу: политические противники стреляют, режут или избивают друг друга. Ежедневно раненые и убитые...»

Тень национал-социализма уже нависала над Германией. А его все еще никто из образованных людей и богемы не воспринимал всерьез. Среди тех, кто блистал в берлинском обществе, Чехова отмечала «Колина Росса, известного писателя-путешественника, издателя Эрнста Ровольта, первую автогонщицу Берлина фройляйн фон Сименс, ее знаменитого коллегу Ханса Штука; я болтаю с “теннисным бароном” фон Краммом, выдающимся дирижером Вильгельмом Фуртвенглером, Томасом Манном и многими, многими другими. Политически все мы более или менее умеренны, по крайней мере за таковых себя выдаем...» Новомодные течения в искусстве от кубизма до дадаизма казались намного важнее политических тенденций. Гитлер представлялся большинству «всего лишь крикливым выскочкой, – как писала Чехова в мемуарах. – И я не воспринимаю всерьез “крикливого выскочку”. О том, что через несколько лет он станет рейхсканцлером, а я буду бывать на его приемах, догадаться трудно. Если бы мне кто-нибудь напроорочил такое, я бы высмеяла его...»

Намного больше ее интересовал в то время рейхсминистр иностранных дел Густав Штресеман, «дипломат старой школы, тонкий ценитель искусств, социалист по духу и на деле, но любезный и в личном общении обворожительный человек». Он расспрашивал Ольгу Чехову о России, говоря, что «Германия – “страна Центральной Европы” и Россия – “страна, где встречаются Европа и Азия” – не имеют права враждебно противостоять друг другу». Рейхсминистр помог Чеховой получить германский паспорт.

Но уже наступало время «крикливого выскочки». Гитлер звал немцев вернуться в фатерланд, и так получилось, что русская актриса стала своеобразным символом этого возвращения...

Государственная актриса

Инициатором знакомства Ольги Чеховой и фюрера был, по большинству свидетельств, Мартин Борман. Рейхсляйтер пообещал Гитлеру представить ему русскую актрису, но тот поначалу более чем скептически отнесся к такой перспективе – по его разумению, славянка, тем паче русская, никак не могла оказаться объектом, достойным внимания. Но Борман осуществил свое намерение. Гитлер восхитился стройной красавицей с фиалковыми глазами и предъявил своему сподвижнику новую претензию: «Ты обманываешь меня, Мартин. Русские бабы, насколько мне известно, толстые и скуластые. А эта – настоящая арийка!»

Впоследствии Василий Скоробогатов, которому во время службы в Берлине довелось лично видеть прославленную артистку, приведет в своей книге о коменданте Берзарине такие слова Чеховой, адресованные уже после войны наркому госбезопасности Меркулову: «Не хвастаюсь. Но от моих взглядов Адольф превращался в того простоватого ефрейтора его родного 16-го запасного баварского полка, среды обитания его окопной юности. Тогда связист Адольф Шикльгрубер получил Железный крест первого класса. В тот день конца мая 1941 года на нашем свидании я томно сказала Адольфу, что страшно тоскую по российской родне. В припадке нежности ему захотелось утешить мое чувство ностальгии. Сбиваясь, заговорил: “Дорогая, это произойдет очень, очень скоро”. Он схватил мои руки и прижал к своей груди. Продолжил: “Мы разрешим проблему жизненного пространства для Германии не позднее 1943–1945 годов. А выступим в поход в четыре часа утра 22 июня. В воскресенье...”»

Но до этого произошло еще множество самых разных событий. Ведь не только Гитлер стал рейхсканцлером, но и доктор Йозеф Геббельс – рейхсминистром народного просвещения и пропаганды. «Изменившиеся нравы этого Третьего рейха дают о себе знать необычным приглашением: в один прекрасный день мама сообщает мне на студию по телефону, что меня ждут во второй половине дня на приеме у господина министра пропаганды. Будет фюрер, он же рейхсканцлер. Мама, дама старинного воспитания до мозга костей, крайне возмущена: что за манера с утра по телефону приказывать даме прибыть по приглашению во второй половине дня?..»

Сама же Ольга, у которой приоритеты были выстроены уже чуть иначе, озадачилась не нарушением традиционного этикета, а проблемой, как совместить это повелительное приглашение, в котором явно было заметно пренебрежение к «установленному и дорогостоящему съемочному времени», с жестким графиком съемок и условиями контракта. «Обычно съемки идут с семи утра до семи вечера. У кого одновременно и спектакли в театре, должны прямо из павильона ехать в свою гримерную и освобождаются не раньше 23 часов».

Конечно, первой мыслью было – как уклониться от навязанного светско-официального мероприятия. Ольга рассказала о ситуации режиссеру, очень надеясь, что тот воскликнет что-то вроде: «Фрау Чехова, нам дорога каждая минута на площадке! Вы никуда не можете сегодня отлучиться!» Однако все оказалось совсем не так: «Продюсер, несомненно, предчувствует развитие событий гораздо лучше, нежели я... режиссер и руководство разрешают, распорядившись отснять меня раньше». Чутье не подвело продюсера – пройдут считанные месяцы, и всякое пожелание ведомства, возглавляемого Геббельсом, будет восприниматься творческими деятелями как приказ, обязательный к немедленному исполнению.

А пока, вспоминала Чехова, «доктора Геббельса мне описывают как человека, который “завоевал” Берлин для национал-социалистов, человека, без сомнения, с острым умом и способного пропагандиста, блестящего оратора. Итак, теперь он рейхсминистр народного просвещения и пропаганды, а его “вождь” Адольф Гитлер сделался рейхсканцлером – ненадолго, как уверяют. В этой раздробленной республике без республиканцев национально-кон-

сервативным кругам Гитлер нужен как “барабанщик”, щит от возрастающей коммунистической угрозы. После того как он “отбарабанит” необходимое время, его снова уберут, так это представляет себе кое-кто...».

Съемки в тот знаменательный день завершились только к пяти часам пополудни. А вечером Ольге предстояло играть в театре, так что она неторопливо вышла со съемочной площадки, будучи уверена, что все же сумеет проигнорировать правительственный прием – поскольку теперь нужно хотя бы немного отдохнуть, разгримироваться, переодеться... «Дальше зайти в своих размышлениях я не успеваю: как только собираюсь покинуть студию, навстречу спешит надутый чиновник министерства пропаганды и везет меня как есть – непереодетой, в полуспортивном костюме – на Вильгельмштрассе». Видимо, тогда пресловутый полуспортивный костюм все же еще не был идентичен современному варианту «штаны + свитшот», хотя бы жакет имелся – раз актриса, чтобы «предстать на правительственном чаепитии не совсем уж “голой”», попросила остановить машину и купила розу в петлицу.

В здании министерства актрису встречает фрау Геббельс.

– Так поздно, фрау Чехова? – с упреком произносит она.

– Я приехала прямо с работы, фрау Геббельс, кроме того, меня известили по телефону только сегодня утром...

Магда Геббельс делает вид, что не расслышала.

И вот наконец происходит знаменательная встреча. «Перед помещением, в котором сервирован чай, стоит Гитлер в цивильном. Он тотчас же заговаривает о моем фильме “Пылающая граница”, премьера которого состоялась только что. Я играю польскую революционерку. Гитлер осыпает меня комплиментами. Мое первое впечатление о нем: робкий, неловкий, хотя держит себя с дамами с австрийской любезностью; ничего “демонического”, завораживающего или динамичного. Это впечатление разделяют многие, кто сталкивался с Гитлером в узком кругу. Поразительно, почти непостижимо его превращение из разглагольствующего зануды в фанатичного подстрекателя, когда он оказывается перед массами. Тут он воспламеняет тысячи, а позднее и миллионы».

За чайным столом Ольга видит именитых знакомых из мира искусства – Вернера Краussa, Ойгена Клёпфера, Генриха Георге, Кэте Дорш, Георга Александера, Вилли Фрича. Гитлер, по ее наблюдениям, «тщетно старается быть обаятельным» – он многословно рассказывает о своих былых художественных амбициях, показывает акварельные рисунки и графические наброски. Чехова потом признавалась, что ни одна работа фюрера-художника ей не запомнилась совершенно.

А вот Геббельс, при всей своей невзрачной внешности, показался ей и впрямь весьма обаятельным, причем без напряжения: «...покрытый ровным кварцевым загаром, он рассыпает шутки направо и налево, непринужденно острит... явно наслаждается министерским постом и возможностью собрать вокруг себя деятелей культуры».

Ничего удивительного – ведь сам Геббельс имел гуманитарное образование и действительно защитил диссертацию по теме «Вильгельм фон Шютц как драматург. К вопросу об истории драмы романтической школы». Однако признания в качестве драматурга, писателя или хотя бы критика он так и не смог добиться, хотя очень старался. И надо думать, ему доставляло немалое удовольствие демонстрировать свои властные полномочия тем, в чей круг он так и не сумел войти на равных.

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер показался Чеховой похожим «на землемера на пенсии, со своим круглым мещанским личиком, он в основном молча топчется и явно чувствует себя не в своей тарелке. На одном из более поздних приемов мне удастся шокировать его: я являюсь в глубоком декольте. Он каменеет от изумления. “Когда женщина сильно обнажается, это приводит его в исступление”, – рассказывают мне те, кто его близко знает». Так

что кого-кого, а Гимmlера ничуть не озадачил «полуспортивный» с розой в петлице костюм Ольги на том министерском приеме.

Вскоре она покинула министерство, сославшись на необходимость скоро выходить на сцену в театре. «Следующее приглашение не только необычно, оно трагикомично и имеет какой-то призрачный оттенок. Мы – видные коллеги-актеры и я в том числе – после спектакля сидим за длинным столом в задней комнате партийного ресторанчика. Ничтожества, вознесенные партией в кресла функционеров, председательствуют в униформе СА и СС. Они устроились вольготно. Перед ними лежат снятые портупеи и кобуры с пистолетами. Битый час функционеры разглагольствуют о наших “обязанностях художников” в Третьем рейхе и разражаются непотребными нападками на иностранных и еврейских коллег».

Кончилось дело скандалом – знаменитый Фриц Одемар потребовал, чтобы партайгеноссен прекратили говорить гадости о прославленных звездах, независимо от их национальности, и предложил соратникам по искусству покинуть заведение. Все так и поступили, как выяснилось, – себе на горе. «Месть этих маленьких шавок от искусства я ощущаю на себе очень скоро; как выясняется, власть их простирается далеко: на роли, которые предназначались мне, берут других актрис – разумеется, всегда с “глубоким сожалением”, с беспомощным пожиманием плеч».

Впрочем, от Геббельса и его ближайших помощников тогда пострадала не только Ольга Чехова. Лени Рифеншталь вспоминала: «Со стороны Геббельса последовали и другие каверзы... Геббельс передал мне через своего секретаря Ханке требование: фильм об Олимпиаде должен состоять только из одной серии, и чернокожих спортсменов не следует показывать слишком часто. И вновь я не обратила внимания на это распоряжение. Всего несколько дней спустя Минпроп сообщил мне, что по указанию министра я должна немедленно уволить пресс-секретаря Эрнста Егера – в связи с его браком с “женщиной-неарийкой”. Я в очередной раз отважилась проигнорировать указание. Мне было ясно, что долго с моим сопротивлением мириться не будут. Так оно и случилось. Геббельс решил окончательно добить меня и забрать мой фильм об Олимпиаде под опеку своего министерства... Для спасения картины мне виделся лишь один шанс – разговор с Гитлером».

Рифеншталь удалось попасть на прием к фюреру. «Гитлер, как всегда, приветливо встретил меня и справился о моей работе. Нервы у меня были настолько напряжены, что я не выдержала и расплакалась. Захлебываясь слезами, я сказала, что не могу здесь больше работать и что в создавшейся ситуации должна буду покинуть Германию.

– В чем причина? – удивился Гитлер.

В отчаянии я воскликнула:

– Меня ненавидит доктор Геббельс!

Тут Гитлер рассердился:

– Что за чепуха! Отчего это доктор Геббельс должен вас ненавидеть?

Меня удивило то, с какой настойчивостью Гитлер защищал своего соратника, а мне совсем не хотел верить...» Подействовал только рассказ Лени об аресте ее операторов, отказавшихся бросить работу с ней ради фильма, который снимал Ханс Вайдемманн, возглавлявший в ведомстве Геббельса отдел изобразительного искусства.

Ольге Чеховой не давали работать в течение целого года. У нее не было сбережений, на которые можно было бы столько времени жить с семьей, которая целиком зависела только от нее. Пришлось продать автомобиль, уволить шофера и научиться ездить на велосипеде. Часть вещей Ольга тоже постепенно продавала, и вот, когда она рассматривала свой любимый ковер и думала, что теперь придется продать и его, раздался телефонный звонок.

Звонил не кто-нибудь, а сам уже тогда прославленный Альфред Хичкок из Лондона. Он предложил Ольге главную роль в детективном триллере «Мэри» и приличный гонорар. «Хичкок оказывается необыкновенно умным, любезным человеком с обезоруживающим,

совершенно особым чувством юмора; и похож он на кого угодно, только не на англичанина, скорее русского – своей дородностью и хлебосольством». А потом в Лондоне Чеховой удается заключить контракт на съемки в Париже – фильм «Деньги» по роману Золя.

Работа есть, деньги есть, кажется, благополучие вернулось. «Но и в Париже политика настигает меня, точнее, мой автомобиль. Возвращаясь из студии на Елисейских Полях в свой отель и вижу – он полностью искорежен, на груде обломков грубо нацарапано: “Боши – свиньи”. Причина подобного вандализма в том, что немецкие войска без объявления вошли в Рейнскую область, занимаемую Францией со времен Первой мировой войны».

И вот Ольга Чехова снова едет в Германию. Там отношение к ней уже изменилось в лучшую сторону: «Возможно, свою роль сыграл положительный резонанс в международной прессе, меня снова стали воспринимать как немецкую актрису, которая содействует восстановлению мирового культурного значения Германии. В любом случае я опять занята. Более того, становлюсь “государственной актрисой”: в одно из воскресений нам в дверь звонят двое господ, чинно просят прощения за вторжение, представляются чиновниками министерства пропаганды, торжественно выстраиваются передо мной и зачитывают указ: за “вклад в киноискусство и театр” меня производят в государственные актрисы».

Сие громкое звание не сулит никаких выгод – ни дотаций сейчас, ни пенсии по старости. Зато причиняет новое ненужное беспокойство: «Я езжу на иностранном автомобиле, поддержанном “паккарде”. Но мне дают понять, что немецкая государственная актриса не должна ездить на “иностранном”. “Это нежелательно”, – передает мне министр Геббельс через доверенных лиц. Пришло время, когда в Германии все должно быть немецким. Через тех же доверенных лиц я отвечаю министру, что на “мерседес”, к примеру, денег у меня нет, но я согласна ездить на любой другой представительной немецкой машине, если правительство мне ее подарит». Геббельс улавливает иронию и велит передать фрау Чеховой, что государственные автомобили не предусмотрены для государственных актеров. Но больше вопрос о ее машине не поднимается.

Замуж за Бельгийца

Неужели у Ольги Чеховой в это время не было никакой личной жизни? Вокруг красавицы кинозвезды должны были увиваться стаи поклонников. Так оно и было, но... «Должны были быть причины, что друзья в меня влюблялись, поклонялись мне, восхищались мной, но ни один из них не предлагал руку и сердце. Дело было во мне самой, в том, что я все еще испытывала безотчетный страх перед замужеством, в том, что семейная жизнь мне никогда не казалась такой же важной, как очередная роль, полученная мной... Брак в моем представлении – это нечто обременительное, опутывающее по рукам и ногам».

Причиной такого отношения был не только печальный опыт брака с Михаилом Чеховым, но и желание в полной мере реализовать себя в профессиональной сфере. Повседневные заботы, бытовая рутина тоже ничуть не привлекали Ольгу. Она уезжала из дома рано утром на съемки, возвращалась поздно вечером уже из театра. «По счастью, и мать и сестра, которая теперь тоже живет со мной, избавляют меня от быта. Мой вклад в домашнее хозяйство ограничивается постоянно повторяющимся вопросом: “Деньги тебе нужны?” Возможно, друзья чувствовали, что я слишком самостоятельна для длительного союза с мужчиной и уз брака».

Особенно учитывая тот факт, что, несмотря на завоеванное женщинами право работать, брак все еще воспринимался подавляющим большинством общества сквозь призму самых что ни на есть традиционных ценностей. Ольгу Чехову роль просто чьей-то фрау взамен разноцветья ее театральных и киноролей явно не устраивала. «Вероятно, это ощущали мои настоящие друзья, а о других я и вовсе не хочу говорить, о тех коллегах, которые заводили любовные интрижки поочередно (а то и параллельно) почти с каждой смазливой актрисой, или о тех “творческих личностях”, которые каждую сексапильную даму представляли исключительно в горизонтальном положении».

Кому-то и такой расклад позволял в полной мере демонстрировать храбрую самостоятельность. Или, по крайней мере, удачно играть ее. Чехова в качестве примера описывает Адель Зандрок, которая к моменту событий утвердилась на амплу «комической старухи» в немецком кино, а когда-то была звездой «Бургтеатра», блиставшей в «Даме с камелиями» и покорявшей всю Европу не только талантом, но и красотой. Но время безжалостно. «И тут кто-то открывает ее удивительно смешное дарование... Внутренне она отторгает это амплу, живет воспоминаниями о своем великом прошлом, игнорирует то, что происходит вокруг нее, или все зло вышучивает. Меня – всегда величественно – Адель одаряет милостью своей дружбы. Она зовет меня “Мышка”...»

Чехова вспоминала ее многочисленные соленые шутки и экстравагантные выходки, а также неожиданные откровения: «Если бы ты знала, кто в те времена всё бросал к моим ногам, когда я гастролировала с “Дамой с камелиями”, – великие князья, а однажды уж одним-то из них я полакомилась. Я бы и царя не пощадила, думаю, да жаль... жаль, он уже был болен. А вообще – мужчины! Все они трусы, моя дорогая Мышка, все... ну, скажем так: почти все. Я понимаю, почему ты не выходишь снова замуж».

Однажды Адель Зандрок попросила Чехову отвезти ее на прием в министерство пропаганды, поскольку своей машины у нее нет, а ехать как обычно на такси вместе с сестрой легендарная звезда не может – сестру не пригласили. В одиночку Зандрок нигде появляться не желает. «Итак, мы вместе приезжаем в министерство; Адель, как всегда, закутана в широкие, ниспадающие волнами одеяния, на руке висит огромная вышитая сумка... В этот момент входит Гитлер и начинает, как обычно, сразу же с монолога. Он знает “Бургтеатр” с юношеских лет, с восхищением вспоминает великие спектакли и тут же сожалеет, что в те времена также “добились чести и славы и еврейские актеры”. Гитлер намеревается и далее

развивать эту тему, как вдруг происходит нечто, чего до сего момента уж точно не случилось: его перебивают!

А. Гитлер

Адель безмятежно и отчетливо произносит:

– Господин рейхсканцлер, оставим эту тему. Я не желала бы об этом ничего слышать. Но если это вас интересует – и между нами: моими лучшими любовниками всегда были евреи.

Гитлер столбенеет.

Адель поднимается, с достоинством кланяется и спокойно бросает:

– Au revoir, господа. – Поворачивается ко мне и приказывает: – Отвези меня, пожалуйста, домой, Мышка».

Возможно, и впрямь в окружающих ее мужчинах Чеховой не хватало силы и цельности. Или просто никто всерьез не нравился, несмотря на слухи о ее многочисленных романах?

Но вот однажды во время съемок в Вене ее внимание привлек какой-то посторонний господин, внимательно наблюдавший за кинематографической суетой. Поначалу он своим присутствием отвлекал, раздражал и сердил актрису, хотя она отметила, что он вполне достойно выглядит. А потом он... пригласил ее поужинать в знаменитое кафе «Захер». В первый момент Чехова была намерена отказаться, но почему-то слово «нет» так и осталось произнесенным. «За ужином Марсель Робинс доказывает, что он незаурядная личность. Беседа его увлекательна, шарм необыкновенный. Я узнаю, что он бельгийский промышленник, и ловлю себя на удивительной мысли. До сих пор, размышляю я, ты существовала для других – для мамы, детей, брата и сестры, друзей, знакомых... Не жертва, конечно же нет. Но если бы вдруг появился некто, кто живет и трудится только для тебя, кто о тебе заботится и защищает, если бы так было...»

– Могу ли я засвидетельствовать вам свое почтение в Берлине, мадам?... – учтиво интересуется Робинс.

Она соглашается. И приехав в Берлин, Робинс делает ей предложение. Ольга отвечает «нет». «Я действительно отказываюсь: моя профессия и моя вошедшая в плоть и кровь самостоятельность...»

Но тут вмешивается мама, та самая ревнительница традиций и правил приличия. «Мама советует мне сказать “да”, завести свой дом. Не буду же я вечно актрисой, говорит она и добавляет: “Может, не так уж и плохо иметь возможность при необходимости уехать из Германии, если дела пойдут так и дальше...” Я размышляю над фразой “...не вечно же быть актрисой”... Это точно».

Но запасной аэродром Ольга уже готовит для себя самостоятельно, намереваясь после окончания кинокарьеры стать косметологом, она собирается в скором будущем получить в Париже соответствующий диплом.

«Со времен Голливуда, с тех пор, как я там увидела, что для каждого утром все может быть кончено, я поняла, что стану косметологом. Я уже готовлюсь к получению моего первого диплома в Париже». Но в голосе мамы ей слышится и другая тревога: надо иметь возможность покинуть Германию, если... Если что? Пока актриса не видит повода для беспокойства, но... «Здесьняя политическая сумятица все же должна улечься, все снова должно прийти в норму. Не могут же люди идти против всего света... и кроме того: здесь мы все вместе – мама, дети, моя сестра и я. Мы живем своей жизнью. Я снимаюсь из фильма в фильм, играю в театре, мне никто ничего не диктует. Я могу сниматься и играть то и так, как хочу... Впрочем, время от времени уже приходится... как-то подлаживаться. Точно. Скажем, на этих смертельно скучных официальных приемах с их удивительно напряженной атмосферой и недоверием, которое испытывают друг к другу почти все. Все чаще хочется отказаться. Чаще – да, но всегда ли?... Какая женщина не любит поклонения?..»

Марсель Робинс настойчив, он делает второе предложение.

– С женщиной, которую я люблю, я не вступаю в связь, – говорит он и продолжает упорную осаду сердца кинозвезды.

Ольга Чехова соглашается. Они договариваются, что актриса будет приезжать к супругу в промежутках между съемками, и заключают брак в Берлине в 1936 году. Свидетелями на регистрации становятся дочь Ольги – Ада и ее муж, их брак, к слову, свершился так же рано и скоропалительно, как когда-то поженились Ольга и Михаил Чехов. «После регистрации брака мы выпиваем по бокалу шампанского в отеле “Бристоль” на Унтер-ден-Линден. На вечер в мою квартиру на Кайзердамм приглашены около сорока друзей. Само собой разумеется, пришло, как это у нас водится, гораздо больше. Пришли и русские – для подобного торжества факт немаловажный...»

И тут сразу оказалось, что интуиция недаром предостерегала Ольгу от брака вообще и брака с Марселем в частности. «С самого начала атмосфера устанавливается непринужденная и очень скоро даже шаловливая. И почти каждый закликает Марселя оставить меня такой, какая я есть, и не превращать в настоящую домохозяйку. Марсель явно чувствует себя чужим среди этого раскованного творческого люда. Моя профессиональная одержимость, о которой так много и при каждом удобном случае говорится в шуточных речах, не очень-то поднимает его настроение. Он держится вежливо, но официально. Вероятно, он прикидывается, а что будет, если он потребует от меня чуть большего внимания к себе».

Пока чопорный бельгиец осознает, в какую авантюру он, кажется, ввязался, русские гости решают еще больше повысить градус веселья: «...они не могут удержаться, чтобы не продемонстрировать русские свадебные обряды, и именно на “живом объекте”, на Марселе. Они кладут его на растянутую простыню и трижды подбрасывают в воздух после каждой круговой чарки... Марсель растерян. Он пытается выбраться из простыни, и так неудачно, что падает на пол и несколько секунд лежит без сознания».

Ольга спешно везет новоиспеченного супруга в ближайшую клинику. Врач успокаивает ее – признаков сотрясения мозга и серьезных повреждений внутренних органов нет, видимо, это просто результат шока вследствие сильного нервного и душевного напряжения. Очнувшийся Марсель просит жену вернуться к гостям. «Если мы дадим ему немного времени, он тоже освоится с нашими суровыми “немецко-русскими нравами”».

– Ну, иди же к своим сиротам, – улыбается он.

Я вздыхаю. В конце концов, и врачи иногда ошибаются. Марсель кажется таким неприужденным...»

Разумеется, веселье продолжилось, но утром, когда Ольга с друзьями вновь приезжает в клинику, Марсель выглядит так, что она попросту пугается. «Друзья тотчас всё понимают и оставляют меня с ним наедине. В отличие от вчерашнего Марсель напряжен, нервозен, погружен в себя. Врач не ошибся. Я еще раз прошу Марселя сказать мне, что его угнетает. Он говорит с трудом, отрывисто. За несколько недель до нашей свадьбы Марсель понес серьезные финансовые убытки. Нервы его были настолько расшатаны, что он был вынужден отправиться в санаторий. Ко дню свадьбы Марсель еще не совсем выздоровел».

– Почему ты ничего не рассказал мне?! – восклицает Ольга.

– Я люблю тебя!.. Начинать наш брак с рассказа о санатории?..

Ольга растерянно умолкает. Марсель невесело усмехается:

– А вот к немецко-русскому празднику я все же оказался не готов... Я должен сам разобраться с собой.

С этими словами он покидает Берлин и жену, отправляясь в родной Брюссель. Ольга приступает к съемкам в фильме с многозначительным названием «Любовь выбирает странные пути». В ближайшем будущем у нее новый спектакль, Ольга будет «играть в “Чернобурую лисицу”, венгерском водевиле».

Пока съемки закончены, а репетиции еще не начались, она садится в машину и едет к мужу в Брюссель. «Марселя по сравнению с днем нашей свадьбы в Берлине словно подменили. Он, как и в Вене во время нашего ужина в “Захер”, очарователен, гостеприимен, умен.

Мы переживаем чудесные дни. Только через неделю я решаюсь сказать ему, что уже подписала новый театральный контракт. Он оказывается на удивление чутким, просит рассказать меня о роли, заранее радуется тому, что будет приезжать на выходные ко мне в Берлин, и с гордостью представляет своим друзьям: «Это моя жена – мадам Чехова»».

И кажется, все прекрасно. «Чернобурая лисица» идет с огромным успехом, контракт продлен. «Марсель часто бывает в Берлине. Он неизменен: любит свою “фанатичную жену”, читает всю критическую прессу и не упускает возможности очаровывать меня в наши краткие совместные часы... В Брюссель я возвращаюсь только после того, как спектакль “Чернобурая лисица” сходит с репертуара».

К этому времени установлены строгие ограничения в обмене валюты. «Мне, например, разрешается брать за границу лишь десять марок. В день моего приезда Марсель дает званый ужин. Перед этим мне хочется сходить к парикмахеру. Моих десяти марок для этого недостаточно, и я прошу Марселя дать мне денег или еще лучше чек, чтобы я, как мы договаривались, во время моего пребывания могла пользоваться его счетом.

Он бросает на меня странно напряженный взгляд:

– Зачем тебе деньги?

Вопрос выводит меня из себя – сама его постановка: разве я должна давать объяснения? Давать отчет? Он что, не доверяет мне? Как это возможно?..

– Прежде всего на парикмахерскую, – озадаченно говорю я.

– Разве ты не обменяла свои десять марок?

– Но их же не хватит.

– Для дешевой парикмахерской вполне достаточно...»

Опешившая актриса не находит, что сказать, а тут еще вбегает дочь Марселя от первого брака, и папаша приказывает прислуге купить девочке «самую красивую куклу в Брюсселе», цена не имеет значения...

Ольга изо всех сил старается сохранить лицо, принимает вечером гостей, лишний раз убеждаясь, что Марсель не стеснен в средствах – стол накрыт роскошный. А когда большинство гостей расходится, Марсель зовет Ольгу и близких друзей в бар. «Вскоре я понимаю, что мы не просто в баре, а в “заведении”. Мой муж и его друзья флиртуют со смазливymi девицами, словно меня нет. Марсель обещает Лу, особенно породистой красавице, навестить ее на следующей неделе». И тут Чехова не выдерживает – она настаивает, чтобы муж отвез ее домой, а там требует ответа на вопрос, почему он так унижительно с ней обращается.

– Я ожидаю от моей жены, – слышит она в ответ, – что она будет всегда рядом. Мне нужна она. Мне нужна и физическая близость, постоянно, каждый день и каждую ночь. Если моя собственная жена избегает меня, я иду к другим женщинам... я вынужден это делать, понимаешь ли ты меня, я вынужден...

– Когда же я избегала тебя?..

– Тебя не бывает неделями, часто месяцами.

– Ты же знал, что я не откажусь от своей работы. Ты был с этим согласен.

– Я надеялся, что однажды ты меня полюбишь больше, чем свою работу. И я был твердо уверен, что ты покинешь эту ужасную страну...

– Я не брошу свою профессию, – отрезала Ольга.

– Если это делает тебя счастливой...

Вскоре после возвращения фрау Чеховой наносят визит гестаповцы в штатском. «Они знают, что по особому разрешению мне дозволяется постоянно выезжать к моему мужу в Бельгию (“выезд за границу отныне требует специального разрешения...”), им также известно, что мне дозволено сохранить немецкий паспорт, хотя после замужества я стала бельгийкой, – все это им известно, разумеется, “хотя... – один из них иронично улыбается, – с таким интернационализмом мы сталкиваемся редко: муж-бельгиец живет в Брюсселе, жена-

бельгийка и одновременно немка проживает в Берлине да еще и родилась в царской России, да к тому же мать, дочь и племянница – переселенцы из большевистской России, ну да, да...”»

Актриса крайне встревожена, она восклицает: «Это вопрос?» Но визитеры пока учтивы и угрожать не настроены. «Что вы, милостивая госпожа, ничуть. Всего лишь парочка уточнений. Ничего особенного... просто отношение вашего мужа к новой Германии, его и его друзей... нейтральное, тенденциозное, критическое?.. Не пытался ли он оказать на вас политическое давление?.. Нет, ну хорошо... тогда все в порядке... мы хотели всего лишь удостовериться... собственно, мы были уверены... но по долгу службы обязаны проверять все подозрения – даже когда узнаём анонимно... в большинстве случаев это завистники или пустомели – вот как и в данном случае...

Господа делают вид, будто кланяются, и уходят.

Я изображаю улыбку и провожаю их. Когда дверь за ними захлопывается, перевожу дух».

Брак Марселя и Ольги вскоре распадется. Причиной будет, конечно же, то, что фрау Чехова так и не соглашается смириться с единственной ролью просто жены. А поводом станет надвигающаяся война. «Кое-что все же вселяет надежду: пакт о ненападении с Россией, подчеркнутые заверения власть предержащих в своем миролюбии. Марсель развенчивает иллюзии: “Будет война...”... Марсель спрашивает меня, решила ли я наконец ехать к нему в Бельгию. Я колеблюсь. Я пытаюсь представить себе все это: ведь я не одна, тут моя мама-сердечница, тут моя дочь и племянница... Забирать и их с собой?.. Мама никуда не поедет, она уже заявила мне об этом. Марсель достаточно ясно дает понять – он имеет в виду только меня, а не мою семью...»

Такого Ольга представить себе оказалась не способна – бросить близких в Германии, уехать... А будет ли она там востребована профессионально?

«Тебе больше не потребуется твоя профессия, ты будешь моей женой», – жестко резюмирует он.

При этих словах Ольга вспоминает унижение из-за денег на парикмахера и то, как муж привез ее в бордель. Она и раньше не хотела ни от кого зависеть, а с такими воспоминаниями... «Итак, ты остаешься? – Да. – Я понимаю тебя, но и себя переделать не могу. – Как и я...»

Получить развод оказывается не так просто, как хотелось бы. Аргументы вроде «не сошлись характерами» или невозможности поддерживать упорядоченные супружеские отношения не принимаются. Приходится, как вспоминала Чехова, идти на риск: «Мой адвокат получает от судьи дельную подсказку: “неподчинение властям” остается одной из немногих причин развода, признаваемой в чадолубивом Третьем рейхе... Чтобы избежать возможного ареста, Марсель возвращается в Брюссель. Мой адвокат обвиняет его в клевете на фюрера и рейхсканцлера и других министров. Наш брак расторгается в несколько минут...»

Дружба с Герингом

Но насчет близости войны Марсель не ошибся. И назвав Германию «этой ужасной страной», он тоже не слишком погорячился. «Марши “коричневых колонн” и море знамен со свастикой все больше отличают город и его жизнь. Насильственное приобщение, подгонка всех под национал-социалистическую идеологию никого не минует, в том числе кино и театр. Несмотря на это, Берлин пока еще остается Меккой творческих людей и мастеров своего дела; и, к раздражению министра народного просвещения и пропаганды, как раз среди актеров больше всего упрямцев...»

Среди самых заметных «упрямцев» Ольга упоминает Густава Грюндгенса, с которым незадолго до прихода Гитлера к власти играла в фильме знаменитого режиссера Макса Офюльса «Любовные игры» по Шницлеру. Он никогда не был ей ни другом, ни даже просто приятелем. «Но теперь, в Третьем рейхе, он вызывает мое, и не только мое, а всеобщее безоговорочное уважение: как главный художественный руководитель, он ограждает Прусский государственный театр от Геббельса и всех национал-социалистских попыток его политизации... Чтобы иметь возможность реализовать свой взыскательный и свободный от господствующей идеологии репертуар и поддержать политически уязвимых коллег, он идет на союз с рейхсмаршалом и министром-президентом Пруссии Германом Герингом».

Провернуть подобную комбинацию Грюндгенсу позволяет то обстоятельство, что Геринг женат на Эмми Зоннеманн, бывшей актрисе. Через нее Грюндгенс дает понять министру-президенту, что тот смог бы стать патроном Прусского государственного театра, лишь бы театр остался оазисом культуры, свободной от пропаганды и господствующей идеологии. Идея приходится тому очень даже по душе. «В качестве покровителя Геринг с наслаждением использует любую возможность показать Геббельсу, которого он терпеть не может, что государственные театры его не касаются. Геббельс кипит. Относительно “неарийских” актеров и их жен Геринг заявляет: “Я сам определяю, кто еврей”... Грюндгенс лучше других знает подлинный лик Геринга. Он знает, что за внешностью добродушного толстяка, делающей его таким популярным, скрывается жестокий циник, человек, который за несколько лет до еврейских погромов устранял политических противников сотнями. И несмотря на это, Грюндгенс идет на союз с Герингом, чтобы спасти театр и его труппу...»

Ольга Чехова тоже регулярно общалась с могущественным рейхсмаршалом, чья жена была ее подругой. По ее словам, Геринг, «верный рыцарь фюрера», «имперский егермейстер», фанатик униформы, знает толк в представительстве, или, точнее говоря, он умеет принять людей, придать государственным приемам внешний эстетический лоск. «Точно не помню, в котором это было году, когда приезжал из Югославии король с женой. Кажется, в 1938-м, были большие чествования четыре дня подряд. Весь Берлин был украшен и освещен как никогда. Первый день их принимал Гитлер у себя, потом спектакль (опера Вагнера), второй день на даче у Геббельса в Ланке (по дороге в Шорфхейде – 60 км от Берлина по шоссе на Пренцлау), на третьем приеме я была – это было вечером в 11 часов, и хоть я отказывалась (для меня это было всегда утомительно), пришлось поехать – королевская чета видела меня в фильмах, а королева, как русская, хотела со мной познакомиться. Прием в Шарлоттенбургском дворце был дан Герингом – значит, все было очень богато. В прусском старинном дворце комнаты были освещены свечами в старых люстрах, все присутствующие были в костюмах времен Фридриха Великого. Геринг с женой встречали гостей. После ужина я сидела с королевской парой в саду, говорили о моих фильмах, о моих гастролях, о Художественном театре...»

На том приеме ей выпало сидеть рядом со знаменитым летчиком Эрнстом Удетом, прославившимся еще в Первую мировую. «Мне бросается в глаза, что бокал Удета все время

пуст. Кельнеры обносят его. Я спрашиваю о причине. Он отвечает мне тихо, что «Герман (Геринг) строго запретил ему пить. В этот момент Герман не смотрит в нашу сторону. Тогда Удет молниеносно меняет свой пустой бокал с моим, быстро приветствует меня, приподняв его, и осушает одним махом. Уловка в течение вечера удастся еще несколько раз. Теперь Удет в прекрасном настроении; он веселится, как большой ребенок, ибо снова оставил Геринга в дураках.

Э. Удет

– Я их выношу только со спиртным, – шепчет он мне, – со спиртным их еще всех можно вытерпеть, только со спиртным...»

Спасение банкира Штерна

Ольга Чехова – как и многие немцы – убедила себя, что она долгое время пребывала в неведении, что в Германии существуют концентрационные лагеря, что не имела представления о терроре СС. Слухи доходили, однако верить не хотелось. Но в Бельгии эмигранты рассказали ей такое множество ужасов, что сомнения исчезли.

Как можно пребывать в неведении, общаясь с фюрером и слушая его разглагольствования о расовой правильности, человеку со стороны понять трудно. Но таковы защитные механизмы человеческой психики...

Осознав, что это вовсе не слухи, Ольга начинает всерьез тревожиться о тех знакомых, чье происхождение не дотягивает до заявленного в Третьем рейхе уровня расовой чистоты. «Я вспоминаю банкира Штерна, который однажды спас меня из, казалось бы, безвыходного положения, и еду к нему в Лейпциг. Он действительно в ближайшее время ожидает самого худшего. Тогда я безотлагательно спешу к Герингу.

– И что вам дался этот Штерн? – спрашивает он меня скептически...»

Причина, побудившая Ольгу вступить за банкира, была очень даже впечатляющей. За некоторое время до того она согласилась с предложением неких предпринимателей вместе с ними основать собственную кинофирму – «Ольга Чехова Фильм-Лтд. Лондон – Париж». В порядочности партнеров актриса не сомневалась. «Передав генеральную доверенность на ведение дел упомянутым коммерсантам, я сама отказалась от участия в управлении... Поначалу мне все очень нравится. Я горжусь моим – моим собственным! производством. Мы снимаем ленту “Диана”, которая сразу же вызывает оживленные споры, потому что она – несколько преждевременно для того времени затрагивает проблему лесбийской любви. Сборы вроде бы неплохие, и если мне нужны деньги – я никогда не беру много, – я снимаю необходимую сумму со счета фирмы. И вот однажды – наверное, в те годы это была единственная моя прихоть – оплачивается новый автомобиль. Я покупаю его и выписываю автомобильной фирме чек. И тут происходит нечто, что ошарашивает меня: директор банка просит навестить его. Выясняется, что на моем счету осталось 30 марок и мое поведение при соответствующей интерпретации точно подпадает под состав преступления одного уголовно наказуемого деяния. Более того, банковский дом “Штерн” в Лейпциге предъявляет мне к оплате непокрытые векселя на сумму в четверть миллиона рейхсмарок».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.